

ДИСКУРС У МІЖКУЛЬТУРНІЙ КОМУНІКАЦІЇ

УДК 811.161.73

Оксана Барменкова

(Черкасси)

РАЗНОПЛАНОВОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ

В ЦИКЛАХ РАССКАЗОВ И. БАБЕЛЯ

У статті пропонується комплексний опис компаративних тропів в окремих циклах оповідань І. Бабеля. Встановлюється, що вибір типів компаративних моделей не залежить від жанру. Стверджується, що І. Бабель віддає перевагу порівняльним зворотам, метафорам (дієслівним і атрибутивним) і складнопідрядним реченням.

Ключові слова: індивідуально-авторська картина світу, компаративні тропи, оповідач.

This article offers a comprehensive description of the comparative tropes in separate cycles of short stories of Isaac Babel. It is stated that the choice of types of comparative models is independent of the genre. Argues that Babel favors comparative turnovers metaphors (verbal and attributive), and complex sentences.

Key words: individual author's view of the world, comparative trails, the narrator.

Постановка проблемы и её значение. Одним из актуальных направлений изучения лингвистической картины мира социума является обогащение представлений о языковом восприятии действительности различными личностями, и прежде всего писателями. При исследовании языковой картины мира важным является противопоставление языковых явлений, обращение к которым продиктовано языковой системой, структурой номинативных ресурсов языка и явлений, которые в их реализации целиком зависят от свободного выбора языковой личности. К последним относятся компаративные тропы. Именно творчество И. Бабеля представляет интерес для лингвистического исследования, прежде всего благодаря неповторимому соединению в нём универсального видения мира и национально-языкового, этнического, социального, культурного, а также богатству и разнообразию используемых автором компаративных тропов.

Анализ последних исследований и публикаций. Выяснение степени прагматической значимости компаративных тропов в проекции на индивидуальную модель мира И. Бабеля тесно связано с теоретическими аспектами данной проблемы. И метафора, и сравнение как образные языковые средства в научной лингвистической литературе получили достаточно широкое освещение.

Первый всплеск интереса к природе компаративности в отечественной лингвистике отмечен в 50–70 годы двадцатого века (Н. И. Бахмутова, Л. И. Богодухова, Б. А. Белова, А. Л. Довженко, С. О. Карцевский, Т. Ф. Кияненко, М. Ф. Палевская, Б. Северный, Т. А. Тулина [2; 3; 6; 9; 13]); тогда же появляются работы, в которых на языковом материале предпринимается попытка сопоставления сущности сравнительной и метафорической семантики (Р. А. Будагов, А. Н. Захаров, В. П. Ковалев, И. В. Шенько [4; 13]). Современные исследования компаративности обогащены функциональным и когнитивным подходом, смещением фокуса анализа на языковую личность, обусловленным утверждением антропоцентризма. Продолжаются исследования, посвященные

сопоставительному анализу метафоры и сравнения (работы А. Вежбицкой, Х. Д. Леэметс, Э. Ортони, С. А. Жаботинской, Л. И. Мяснянкиной [5; 7; 10; 11; 12]).

Обращение к творчеству И. Бабеля даёт богатый материал для ответа на вопрос о предназначении компаративных тропов, главным образом метафор и сравнений, в художественном тексте.

Целью статьи является исследование компаративных тропов, в которых сравнение и метафора представлены как единый способ видения мира отдельной творческой личностью И. Бабеля.

Изложение основного материала. Частое обращение писателя к компаративным тропам достаточно чётко противопоставляет не только отдельные циклы рассказов, но и является важным показателем противопоставления произведений малого жанра внутри цикла.

Наименее частотны компаративные конструкции в произведениях, объединенных в цикл "Рассказы". Особенностью этого цикла является то, что повествование в нём ведется преимущественно от лица писателя. В одних случаях (рассказы "История моей голубятни", "Первая любовь") содержится намёк на автобиографичность, в других автор повествования как бы является для читателя лицом неопределённым. Единичны в этом цикле рассказы ("Камо" и "Шаумян"; "Письмо из Батума"), где читатель узнает мысли и чувства не самого писателя – И. Бабеля, – а какого-то третьего лица. В соответствии с этим указанное модальное распределение даёт основание для определения одного из факторов, влияющих на частотность обращения к компаративным тропам: чем больше "приближен" автор повествования к читателю, чем более непосредственно связано его изложение с переживаемыми им событиями, тем насыщеннее изложение метафорами и сравнениями. И наоборот: чем более отстранен из-за своей неопределенности автор повествования от читателя, чем удаленнее описываемое явление от момента его художественного воспроизведения, тем беднее компаративная палитра повествования. Покажем это на примерах. В рассказе "Камо" и "Шаумян" И. Бабель имитирует обычную для 20–30-х годов прошлого столетия образную революционную патетику видения мира простым матросом. В его письме наблюдаются типичные для ораторского стиля той эпохи метафоры и сравнения, нескончаемые их сплетения, которые в свое время были высмеяны И. Ильфом и Е. Петровым в "Двенадцати стульях". Ср.: Триста безработных пароходов привязаны к берегу в портах Лондона, Триеста и Константинополя, тысячи моряков голодают. Мировые пути глохнут, удушаемые гибельной игрой парижских дипломатов [1, с. 171]; Господа Кристи и Попандопуло мечутся теперь в западне, для которой неискусные руки мастерового сплели прутья из протухших теней прошлого и настоящего [1, с. 170-171]. Такая же насыщенность образами наблюдается и в рассказах, основанных на дневниковых записях автора. Например, в рассказе "Вечер у императрицы" находим: Приюта нет, Я стою на Аничковом мосту, прижавшись к Клодтовым коням. Разбухший вечер двигается по Морской. По Невскому запутанные в вату бродят оранжевые огоньки. Нужен угол. Голод пилит меня, как неумелый мальчуган скрипичную струну [1, с. 95]. Как видно из приведенных фрагментов текста, характер использованных в них компаративных средств отличается от тех, которые использовались в рассказе "Камо" и "Шаумян". Они отражают мир восприятия и ассоциаций человека с более высоким образовательным цензом. Подобная образная передача ощущения холода и тоски, с одной стороны, и тепла и удовлетворенности – с другой, наблюдается и в рассказе "Дорога", также написанном от первого лица. Это произведение достаточно ярко демонстрирует еще одну особенность обращения И. Бабеля к компаративным тропам. Их насыщенность прямо пропорциональна глубине и силе эмоциональных переживаний героя. В описании ощущения холода и неуютности используется гораздо больше изобразительных средств, чем при передаче ощущения тепла и

покая. Ср.: В десятом часу вечера вокзал вышвырнул меня на Загородный проспект из воющего своего острога. В туннеле на Гороховой гремел ветер; над каналом закатывался газовый рожок. Базальтовая остывшая Венеция стояла недвижимо. Я вошел в Гороховую, как в облещенное поле, заставленное скалами [1, с. 216]; Мы пили чай, в хрустальных стенах стаканов расплывались звезды. От мира отделял нас густой и легкий шелк гардин; солнце, вделанное в потолок, дробилось и сияло, душный жар налетал от труб парового отопления [1, с. 217-218].

Цикл "Рассказы" демонстрирует мастерство И. Бабеля в речевой характеристике персонажей. Используемые здесь компаративные тропы меняют свой характер в зависимости от образовательного, социального и возрастного ценза героя. В рассказе "Линия и цвет" передается дискуссия образованного студента с Керенским, для чего автор вводит метафоры и развернутые компаративные средства: Плакучая ива, склонившаяся над водопадом, – вы не видите ее японской резьбы; Зернистый блеск роится в снегах. Он начинается мертвенной линией, прильнувшей к дереву и на поверхности волнистой, как линия Леонардо, увенчан отражением пылающих облаков [1, с. 106].

Модус реальности, вводимый союзом как, превалирует в компаративных тропах цикла. Ср.: Слова ... были скучные, старые, гладкие, как обтесанные деревяшки [1, с. 67]; трамвайные вагоны лежали на улицах плашмя, как издохшие лошади [1, с. 107]; ноги ...раздутые, как шары, воняли ... приторно, как только что вырезанное мясо [1, с. 110]. Союзы как будто, словно, точно менее частотны, последний в ряде случаев синонимизируется с союзом как: дым повалил, точно сговорился [1, с. 114]; ...съедала быстро, жадно, точно украдкой [1, с. 51]; ...губа мелко и беспощадно вздрагивает, глотка вздулась, точно вспухла [1, с. 41]; голос сына дрожал, лицо перекосилось, точно от боли [1, с. 34]; ... тихий, точно придушенный вой [1, с. 35].

В рассказах цикла, кроме сравнительных оборотов и глагольных метафор, реже фиксируются другие компаративные тропы: сложноподчинённые предложения со сравнительными придаточными, атрибутивные и генитивные метафоры, компаративные средства с лексическими показателями компаративности, творительным сравнения, приложения.

Особенностью циклов "Конармия" и "Одесские рассказы" является то, что в них И. Бабель более отчётливо дистанцируется как писатель от изображаемых событий. В первом цикле рассказчиком является красноармеец Кирилл Лютов. В "Одесских рассказах" этой функцией наделен старый еврей реб Арье Лейб. Это позволяет писателю точнее имитировать, в том числе и с помощью компаративных тропов, чувства и настроения рассказчика – участника описываемых событий. В "Одесских рассказах" это проявляется в том, что речь персонажей и авторская речь близки по характеру образных средств, в частности в передаче неповторимого колорита одесской речи. Например, в рассказе "Любка Казак" и Цудечкис, и Песя-Миндл изъясняются просто, однако с претензией на вычурность, что проявляется в использовании сравнений. Ср.: Я вижу хорошие порядки, – сказал Цудечкис Песе-Миндл, – вот лежит ребенок и разрывается на части, что это жалко смотреть, и вы, толстая женщина, сидите, как камень в лесу, и не можете дать ему соску [1, с. 147]; – Дайте вы ему соску, – ответила Песя-Миндл, – может, он возьмет у вас, старого обманщика, эту соску, потому что он уже большой, как кацап, и хочет только мамашенькиного молока, а мамашенька его скачет по своим каменоломням, пьет чай с евреями в трактире "Медведь", покупает в гавани контрабанду и думает о своем сыне, как о прошлогоднем снеге [1, с. 147].

Зачастую отождествляя себя с персонажами рассказов, автор стремится говорить, как они: – Попробуем на Тартаковском, – решил совет, и все, в ком еще квартировала совесть, покраснели,

услышав это решение [1, с. 125]; Ростом он [Тартаковский – О. Б.] был выше самого высокого городского в Одессе, а весу имел больше, чем самая толстая еврейка [1, с. 125].

Однако неповторимая языковая личность И. Бабеля всё же проявляется в использовании оригинальных метафор. Ср.: Перед нами расстилалось зеленое спокойствие могил [1, с. 124]; Вечер шатался мимо лавочки, сияющий глаз заката падал в море за Пересыпью, и небо было красно, как красное число в календаре [1: 135]; Сумерки побежали по двору [1, с. 140]; Столы вились по двору [1, с. 120].

Цветистость одесской речи свойственна всем рассказам цикла. Бытописание, лишённое образности, для И. Бабеля неприемлемо. В палитре компаративных конструкций отдаётся предпочтение сравнительным оборотам с союзом как. Ср.: сумерки побежали, как вечерняя волна на широкой реке, и пьяный малаец, полный удивления, тронул пальцем Любкину грудь [1, с. 140]; она была сжатым кулаком по лицу, как в бубен, и другой рукой поддерживала мужика, чтобы он не отваливался [1, с. 133]. В ряде случаев сравнительные конструкции усложняются деепричастными оборотами или придаточными, с помощью чего достигается уточнение семантического объема прототипа. Например: обеими руками она подталкивала оробевшего мужа к дверям их брачной комнаты и смотрела на него плотоядно, как кошка, которая, держа мышь во рту, легонько пробует ее зубами [1, с. 125]; ... столы вились по двору, как змеи, которым на брюхо наложили заплаты всех цветов [1, с. 120].

В цикле "Конармия" объединены рассказы, различные по форме изложения. Чаще всего повествование ведется от первого лица. Реже встречаются рассказы, в которых автор повествования находится как бы в тени. Иногда встречаются рассказы-письма. Последние, как и монологи персонажей, обычно имитируют митинговую образность с чрезмерным количеством штампованных компаративных тропов. В рассказах, в которых автор повествования выполняет только функции наблюдателя, количество компаративных тропов, и образных средств вообще, резко сокращается.

Особый интерес в плане выяснения функций компаративных тропов представляют рассказы, написанные от первого лица. Структурно они подразделяются на два типа: рассказы, в которых основным объектом описания выступает непосредственно увиденное, и рассказы, центром изложения которых является передача мыслей и обобщений рассказчика. Для первого типа произведений характерна скупая, зачастую телеграфная, форма изложения, приближающаяся к стилю заметки. Метафоры и сравнения приобретают образность в том случае, если автор ищет способ отражения своих эмоциональных или рациональных обобщений. Достаточно показательным в этом отношении является первый рассказ цикла "Переход через Збруч". Он, не считая диалогов, состоит из семи абзацев. Первый носит чисто информационный характер. Второй содержит весьма традиционные описания природы, где фиксируется два ярких и неожиданных тропа: Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, и штандарты заката веют над нашими головами [1, с. 6]. С помощью этих тропов скрыто передаётся мироощущение автора повествования, воспринимающего действительность сквозь призму войны. Далее снова следует скупая малообразная информация и диалоги, которые завершаются сниженным сравнением: они [два еврея – О.Б.] прыгают по-обезьяньи, как японцы в цирке [1, с. 5-6]. Обобщением увиденного в рассказе выступает метафора: пугливая нищета смыкается над моим ложем [1, с. 7].

Для второго типа рассказов, основанного на передаче чувств и переживаний автора повествования, характерно обилие компаративных тропов. События, наблюдаемые автором, здесь выступают своеобразным иллюстративным материалом, конкретизирующим начальную

идею, либо же средством, диссонансно перебивающим ход авторской мысли. Примером такой композиции может служить рассказ "Костел в Новограде". Однако, несмотря на тип композиции рассказов, общим для них является то, что точкой "приложения" компаративных тропов являются те фрагменты текста, которые содержат размышления автора о происходящем. Фрагменты, посвященные описанию увиденного, характеризуются телеграфной краткостью, отсутствием каких-либо образных средств вообще. Между информативно-констатирующей частью текста рассказов И. Бабеля и частью, обобщающей увиденное, существуют имплицитные связи. Автор, избегая каких-либо характеристик наблюдаемого, оценивает его при помощи косвенных реминисценций, навеянных происходящим.

Такой прием диафорического построения текста, когда происходит соположение неоднородных по содержанию и форме частей, характеризует не только композицию цикла "Конармия" в целом. Он широко используется и в пределах одного абзаца. В зачаточной форме этот стиль демонстрирует литературный прием, который получил название "поток сознания". Наиболее часто средством, перебивающим, а вернее, дополняющим бытописательные фрагменты текста, являются описания природы, наполненные разнообразными компаративными тропами. Например: Левка хрустел и задыхался в кустах. Мглистая луна шлялась по небу, как побирушка. Далекая пальба плыла в воздухе. Ковыль шелестел на потревоженной земле, и в траву падали августовские звезды [1, с. 93].

В творчестве И. Бабеля наблюдаются любимые им, характерные для очень многих произведений трактовки описываемых "земных деяний". Так, фоном для бытописания часто у писателя является сфера неба. При этом компаративные тропы, сочетающиеся с концептами этой сферы, соплагают "дела земные" и "дела небесные" соединительными или же противительными отношениями. В первом случае между описываемыми в рассказе событиями и логико-эмоциональным восприятием сферы природы устанавливаются отношения подобия, что позволяет, прибегая к чисто формальному приёму, условно соединить части текста с помощью союза и. Например: Он шел, опустив голову, и с томительной медлительностью перебирал кривыми длинными ногами. Пылание заката разлилось над ним, малиновое и неправдоподобное, как смерть [1, с. 42]; Обозы бежали, ревели и тонули в грязи. Утро сочилось из нас, как хлороформ сочится на госпитальный стол [1, с. 98].

Формальным выражением противительных отношений является возможность постановки между частями противительного союза а. В подобных фрагментах текста основанием соположения является противопоставление бренного, преходящего вечному, уродливого – прекрасному и т.п. Например: Квартирьер нес на плечах мой сундучок, деревенская улица лежала перед нами, круглая и желтая, как тыква, умирающее солнце испускало на небе свой розовый дух [1, с. 28].

Наблюдения показывают, что образное восприятие мира у И. Бабеля тесно взаимосвязано с темой повествования. В "Конармии", например, преобладают сравнения и метафоры, базирующиеся на концептосфере война. В картинах, представленных в рассказе "Иван-да-Марья", преобладают образы бытового характера. Например: Наружная сторона бричек была закрашена обыкновенным синим глубоким тоном. В нем горели восковые яблоки и сливы, тронутые солнечным лучом [1, с. 253].

Довольно часто тематически обусловленным у И. Бабеля служит обращение к метафорам, построенным на цветоописании. Ими насыщены, например, рассказы "Пан Аполек", "Солнце Италии", "Кострома" и другие. Например: Патер увидел на своем столе горящий пурпур мантий, блеск смарагдовых полей и цветистые покрывала, накинутые на равнины Палестины [1, с. 17];

Толпа волхвов была изрезана сверкающими лысынами и морщинами, кровавыми, как раны [1, с. 18].

Нередко лейтмотивом появления того или иного компаративного тропа является конкретный факт или событие. В рассказе "Иваны" дважды встречается метафорический образ ночь летала ко мне на резвых лошадях. Причина его появления становится понятной из текста: В бою под Хотинном убили моего Коня. Потеряв его, я пересел на санитарную линейку и до вечера подбирал раненых [1, с. 86].

В рассказе "Вечер" образ луна, торчащая, как дерзкая заноза продиктован таким же восприятием автором красноармейца Галкина, полностью поглощенного идеями осмысления революции и гражданской войны.

В цикле рассказов "Конармия" И. Бабель не меняет своих предпочтений: для отражения индивидуально-авторской картины мира писатель использует излюбленные компаративные средства: различные виды метафор и сравнительные обороты с союзом как. Эти тропы чаще всего встречаются в сложном переплетении и взаимодействии. Ср.: Она [экономка] дала мне янтарного чаю с бисквитами. Бисквиты ее пахли, как распятие. Лукавый сок был заключен в них и благовоющая ярость Ватикана [1, с. 8]; ветер прыгал между ветвями, как обезумевший заяц, вторая бригада летела сквозь галицийские дубы, безмятежная пыль канонады восходила над землей, как над мирной хатой [1, с. 21].

Выводы. Проведенный анализ показывает разноплановость движущих мотивов употребления компаративных тропов, сложное переплетение в этом процессе таких факторов, как знание автором образной системы языка, художественной традиции, а также речевых стереотипов образного восприятия мира человеком, детерминированности этого процесса социальными, образовательными, возрастными и другими сторонами личности говорящего. Удалось установить, что выбор типов компаративных моделей в общем не зависит от жанра. Автор отдает предпочтение сравнительным оборотам и метафорам (глагольным и атрибутивным); на третьем месте стоят сложноподчиненные предложения. И. Бабель испытывает склонность к разъяснению метафор оборотами, сцеплению метафор.

В отношении семантического наполнения компаративных моделей рассказы циклов отличаются, что обусловлено типом рассказчика. В "Рассказах" повествуется от первого лица, поэтому тропы книжные, выдают начитанного и тонкого человека. В "Одесских рассказах", где рассказчиком выступает Арье-Лейб, наблюдается стилизация одесского речевого колорита, выражающего склонность еврейского ума к парадоксам, алогичному юмору. В "Конармии" рассказчик многолик. Это персонажи и сам автор, и семантическая структура компаративов обусловлена перемещением фокуса с автора на персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабель И.Э. Сочинения : в 2 т. / И. Э. Бабель. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1: Рассказы 1913–1924. Публицистика. Письма. – 1990. – 478 с.
2. Бахмутова Н.И. О некоторых основных понятиях процесса метафоризации / Н. И. Бахмутова // Вопросы стилистики ; вып. 4. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1972. – С. 95–104.
3. Белова Б.А. Стилистическая роль и источники сравнений в романе А. М. Горького "Дело Артамоновых" / Б. А. Белова // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та ; вып. 30. – 1972. –

С. 136–154.

4. Будагов Р.А. Метафоры и сравнения в контексте художественного целого / Р. А. Будагов // Русская речь. – 1973. – № 1. – С. 31–40.
5. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора / Анна Вежбицкая // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133–152.
6. Довженко А.Л. Сравнительные конструкции в художественных произведениях М.М. Коцюбинского : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 "Українська мова". – К., 1969. – 19 с.
7. Жаботинская С.А. Компаративные фреймы. Теория номинации : когнитивный ракурс / С. А. Жаботинская // Лексика в разных типах дискурса ; вып. 478. Вестник МГЛУ. – М., 2003. – С. 145–164.
8. Карцевский С.О. Сравнение / С. О. Карцевский // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 107–112.
9. Леэметс Х.Д. Компаративность и метафоричность в языках различных систем / Х. Д. Леэметс // Метафора в языке и тексте ; под ред. В. Н. Телии. – М.: Наука, 1988. – С. 93–107.
10. Маснянкина Л.И. Взаимодействие метафоры и сравнения в идиостиле М.А. Шолохова / Л. И. Маснянкина // Русская филология. Украинский вестник : Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 1999. – № 1–2. – С. 84–86.
11. Ортони Э. Роль сходства и уподобления в метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 219–235.
12. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т. А. Тулина // НДВШ. Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51–62.
13. Шенько И.В. К вопросу об отношении между компаративными тропами (сравнением и метафорой) / И. В. Шенько // Ученые записки Гос. пед. ин-та им. Герцена. Т. 491. Стилистика романо-германских языков. – Л., 1972. – С. 151–165.